

Познакомилась я с ней совершенно случайно, когда после окончания педагогического института, с дипломом преподавателя начальных классов, в стремительном водовороте любовных переживаний сама не заметила, как сменила свою благозвучную девичью фамилию Горожанова на не менее благозвучную фамилию мужа — Селенская.

«Познакомилась» — сказано, конечно, с большой натяжкой: она меня в упор не замечала. Точнее будет: впервые увидела. Я сразу же была поражена её взглядом, совершенно надменным, свысока, как будто и вправду в её жилах текла аристократическая кровь. Казалось бы, откуда такая могла взяться в нашей глухой пролетарско-крестьянской провинции через столько лет после революции, вдали от разного рода столиц и значных мест — а поди ж ты, отыскалась!

Одарив меня на мгновение своим презрительным взглядом, она демонстративно отвернула голову и проследовала на улицу за моей свекровкой Дарьей Петровной.

Я подозреваю, что в нашем захолустье Дарья Петровна была единственным человеком, которому она благоволила и не скрывала своей симпатии.

Несколько позже я имела возможность многократно убедиться в том, что сделанное мной предположение оказалось верным. Где бы эта «королева» ни повстречала Дарью Петровну, она тут же к ней направлялась, шла степенно, с чувством собственного достоинства, но при этом глаза у неё становились влажными от набегавших слёз умиления.

Надо сказать, что симпатия у них была взаимная. Дарья Петровна хоть и не заливалась умильными слезами при встрече со своей любимицей, однако тоже души в ней не чаяла. Я думаю, что и поведение-то её, надменно-презрительное по отношению к окружающим, целиком на совести Дарьи Петровны, которая называла её Королевой. Вот она и возомнила себя невесть кем.

Ещё большее удивление, также появившееся после той мимолётной встречи, вызвали её красивые и умные глаза, прикрытые длинными-предлинными ресницами. Я нисколько даже не сомневаюсь, что она всё прекрасно понимала и ощущала себя именно тем, кем её называли. Ни дать ни взять — и впрямь королева! Об этом же говорил — нет, не говорил, а кричал! — её ухоженный внешний вид: она прямо лоснилась вся. Для меня совершенно очевидно, что «королева» была довольна собой, своей нынешней жизнью и совершенно не подозревала, какое суровое испытание ожидает её в самом недалёком будущем. Не подозревала и я, что не менее суровое испытание, уготованное судьбой, свалится и на мою вскружённую любовью голову, спустив меня на землю аккурат к окончанию медового месяца, словно напоминание о суровых реалиях существующей жизни.

После нашей скромной свадьбы мы жили с Виктором в доме Дарьи Петровны, в ожидании собственной квартиры, обещанной нам от леспромхоза к концу лета.

Неприятности начались с того злополучного дня, когда Дарья Петровна, встав поутру, как обычно, рано, ещё ничего не успев сделать по хозяйству, вдруг почувствовала недомогание. Сначала её насторожили непривычные слабость и усталость, как будто бы она проработала весь Божий день, а не только что поднялась с тёплой постели. Вслед за этим появились озноб, нехороший кашель, и головная боль стала отчётливо напоминать о себе. Чтобы хоть как-то согреться, Дарья Петровна надела на себя тёплую кофту, однако и это не помогло. Измерив температуру, свекровка окончательно убедилась, что захворала. Перебрав в памяти весь вчерашний день, она решила: наверное, где-то на сквозняке сильно продуло.

Внезапная болезнь матери очень сильно обеспокоила Виктора, которому на следующий день предстояла многодневная поездка на отдалённую лесосеку.

— Мама собирайся, поедем в больницу на приём. По дороге заедем к Маше, попросим, чтобы она корову подоила, — выдал указания Виктор.

— Витя, да, может, не надо? Я вон аспирина выпью, отлежусь, авось само и пройдёт, — пыталась возражать Дарья Петровна.

— Какого аспирина? Чего выпью? А если воспаление лёгких? Собирайся без разговоров, — Виктор был неумолим. — Мне завтра в лес уезжать, не могу же я тебя оставить в таком состоянии.

Дарья Петровна, хорошо зная своего сына, больше перечить не стала, понимая, что это совершенно бесполезно, а нехотя пошла собираться в дорогу.

При хорошем раскладе до районной больницы на машине можно было добраться часа за полтора или чуть-чуть меньше, смотря как повезёт со встречными машинами, поднимающими непроглядную стену дорожной пыли, из-за которой приходится снижать скорость в ожидании, пока эта пыль уляжется. В любом случае нужно было торопиться, чтобы успеть попасть на приём к врачу.

Сборы отъезжающих закончились быстро, и после короткого прощания «жигулёнок» тронулся, а через несколько минут свернул в переулочек, направляясь в сторону Машиного дома.

Маша — это старшая сестра Виктора, года три назад она вышла замуж и живёт сейчас с мужем на соседней улице Подгорной, в четвёртом доме от переулочка. Детей у них пока нет, живут в спорах и в ожидании: Маша хочет мальчика, а муж её — девочку; может быть, поэтому ни мальчик, ни девочка до сих пор не появились, дожидаясь, когда же будущие родители придут к взаимному согласию.

Улыбчивая Маша пришла примерно через час после отъезда Виктора и после приветствия выпалила:

— Твои заезжали, сказали, что в больницу поехали. Прости корову подоить. А ты что, сама-то не умеешь, что ли?

— Да как-то раз пробовала, когда ещё в школе училась и на летних каникулах у бабушки в Анциферово отдыхала. Бабушка мне показывала, а потом я сама немножко доила. Корова у неё спокойная была, Зорькой звали.

— Ну, тогда понятно. Где у вас подойник-то? А, вот, вижу.

Маша по-хозяйски взяла ведро, подвязалась белой в мелкий горошек косынкой и уже было направилась к двери, но перед самым выходом остановилась.

— Люся, дай мне кусок хлеба, для налаживания контакта с коровой.

Взяв хлеб, Маша ушла, но совсем скоро, гремя пустым подойником и чертыхаясь, возвратилась на веранду.

— Ну что, она меня не подпускает, даже хлеб не взяла, — делилась со мной неприятностью возмущённая Маша. — Ногами дрыгает, хвостом машет, башкой вертит, того и гляди рогами подцепит. Даже подходить к ней страшно. Что же делать? Может, соседку Нюрку попросить? Она её чаще видит — может, у неё получится?

Услышав моё нечленораздельное мычание, поняв, что никакой помощи и совета от меня получить невозможно, Маша ушла и вскоре появилась с нашей спасительницей — соседкой Нюрой.

Нюра была женщиной средних лет, невысокой и пухленькой, в лёгком летнем платьице в цветочек. По всей видимости, Нюра была аккуратной и хорошей хозяйкой. Она сразу же спросила, где можно помыть руки, взяла с собой небольшое пластмассовое ведёрко с водой чтобы обмыть корове вымя, взяла кусочек хлеба, оставленный Машей на столе, и, ловко подхватив подойник, бесстрашно шагнула за порог веранды.

— Королевой её Дарья Петровна вроде зовёт? — уточняя, поинтересовалась Нюра.

Мы с Машей дружно закивали и последовали за ней, а в ограде, сойдя с крыльца, незаметно замедлив шаг, не

сговариваясь, развернулись и направились к скамейке, расположенной вдоль веранды.

— Похоже, нашли общий язык с Королевой, — обрадовалась Маша непривычной тишине, и довольная улыбка поселилась на её лице.

В ответ я тоже улыбнулась:

— Похоже.

Не успела я договорить, как раздался грохот падающего подойника, а вслед за ним послышался истошный вопль Нюры:

— Вот зараза! Да шток тебя!..

Через какое-то мгновение перед нашим взором предстала Нюра со сбившимся набок платком и замызганным подойником в руках. Она негодовала, повторяя самое крепкое из своих ругательств:

— Вот зараза! Брыкается, скотина. Хвостом по лицу саданула и ведро копытом опрокинула. Извините, девоньки, больше к ней я не пойду. Пусть хозяйка её доит. Королева! — язвительно протянула Нюра и завершила категорическим выводом: — Просто скотина!

Вслед за Нюрой извинилась и распрощалась Маша, посоветовав дождаться возвращения матери. Мне ничего не оставалось делать, как последовать её мудрому совету, однако с появлением расстроенного Виктора исчезла последняя надежда.

— Маму положили в больницу с воспалением лёгких, — сообщил он нерадостное известие. — Что с коровой-то делать, Люся?

Виктор посмотрел на меня так, как смотрит на доктора больной, измученный нестерпимой зубной болью, на лице которого легко читается его готовность принять любое решение и даже беспощадное «будем рвать» уже не вызывает никаких эмоций, а воспринимается совершенно равнодушно.

— Будем доить! — со всей решимостью ответила я.

— Как?

— Не знаю. Не спрашивай... — не стала я хитрить, а у самой мысли скачут, словно блохи, и всё вокруг вопроса,

почти такого же, над которым мучился, но всё же нашёл свой ответ Чернышевский: что же делать? что же делать?

— Я поеду к Маше, буду её уговаривать, — сказал Виктор, увидев мой растерянный вид, и, не дожидаясь ответной реакции, направился к машине.

— Да она уже была здесь! Эта скотина её чуть на рога не подцепила, — только и успела я крикнуть вслед Виктору, за которым захлопнулась дверь.

Оставшись одна, я присела на крыльцо, поджав колени, обхватила их руками и уже была готова расплакаться, вспоминая бабушку. Мне так сейчас её не хватало! Она бы обязательно помогла!

Но вдруг произошло событие, в реальность которого и сейчас мне верится с большим трудом, как будто бы всё это было не со мной. Возможно, случилось оно с большого перепуга или от невероятного нервного напряжения.

«Прежде всего успокойся!» — услышала я чей-то явно не бабушкин, а незнакомый мужской голос, отдавший жёсткий приказ.

Я вздрогнула и обернулась. Оглядевшись вокруг и никого не увидев, я решила, что это мне почудилось, но тут же последовало продолжение:

«Вымой подойник — и вперёд!»

Я беспрекословно подчинилась полученной команде, не став перечить, что прежде всегда делала, когда кто-то пытался командовать мной так явно. В тот момент я сразу подумала, что команды исходят именно от Чернышевского, всплывшего в моей памяти совсем недавно и наверняка знающего ответ на мучающий меня вопрос.

«Веник возьми!» — продолжал отдавать команды Николай Гаврилович, не знаю откуда догадавшийся, что я прохожу мимо ободранного берёзового веника, оставшегося после прошлого похода в баню.

— А это зачем? — осмелев, пыталась я поинтересоваться у классика и услышала совершенно бесстрастный ответ:

«Пригодится».

Корова встретила меня всё тем же презрительным «королевским» взглядом, на сей раз вопрошающим: «А ты-то чего, пигалица, припёрлась?»

Вот тут-то я и поняла, для чего мне понадобится веник.

В немом вопросе этой «королевы» меня, начинающего педагога, особенно покорило уничижительное «пигалица» и язвительное «припёрлась».

— Ты что себе позволяешь? Кем ты себя возомнила? — вырвался из моей груди вопль негодования.

Я сорвалась, что так непозволительно для педагога, и, представив себя фехтовальщиком на ринге, как в поединке, увиденном однажды совершенно случайно по телевизору, размахивая ободранным веником, как рапирой, стала напирать на моего остолбеневшего противника.

Мне до такой степени была нужна эта победа, что возможность отступления даже не рассматривалась и вероятность быть поддетой на изогнутые рога Королевы нисколько не пугала.

Ловко орудуя веником-рапирой, изобразив серию фальшивых ударов слева и справа, я завершила свой наступательный выпад, эффектно направив моё оружие в сторону наглой и самодовольной морды ошарашенной животины.

— Будешь доиться?! Будешь доиться?! — повторяла я возбуждённо.

Сказать, что Королева была поражена, — значит, ничего не сказать. Её большие круглые глаза сделались ещё больше, только не круглее, а квадратнее, она стояла как вкопанная и часто-часто моргала, должно быть, давая согласие на мой прямой вопрос. Именно так я расценила учащённое хлопанье ресниц моего соперника в этом поединке.

Внезапный успех меня несказанно вдохновил, и я на волне радости пошла нести всякую околесицу:

— А знаешь ли ты, что мой дед был красным командиром?!

Корова не ответила, но на морде аристократки нарисовался ещё больший испуг.

— То-то же! Смотри мне, Ко-ро-ле-ва! — произнесла её имя чуть ли не по слогам, я погрозила поверженному сопернику победным оружием и, отложив его поблизости в стонку, сделала решительный шаг, приступив к дойке.

На какое-то мгновение повисла гнетущая тишина, прерываемая ударами молочных струй по стенкам подойника. Я чувствовала, что с каждой последующей минутой напряжение нарастает и, как только Королева выйдет из ступора, меня ожидает тот же незавидный финал, что и моих неудачливых предшественниц Маши и Ньюры. И тут мне на помощь, как раз в тему околесицы, пришла песня, знакомая со школьного детства. Чеканя каждое слово, твёрдым и уверенным голосом я запела:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперёд,
Чтобы с боем взять Приморье —
Белой армии оплот...

Моё пение возымело действие. Видимо, поняв, что последний оплот белых с боем взят, помощи аристократке ждать неоткуда и, возможно, именно мой дед, красный командир, причастен к этой победе, раз я о нём заговорила, Королева стала ещё смирней и только изредка поворачивала голову, но не угрожающе, а как будто хотела получше разглядеть внучку легендарного командира и расслышать, что же случилось с белыми и пушистыми после их сокрушительного падения.

С последнего куплета песни я без всякой паузы переходила на первый, не давая Королеве опомниться, и так до тех пор, пока не закончила доить корову.

— Вот так-то лучше! Знай наших! — похлопала я Королеву по холке и с победным видом направилась на веранду, по ходу крикнув мужу, вернувшемуся вместе с Машей:

— Витя! Можешь выгонять корову.

Обрадованный Виктор не смог сдержать своего удивления:

— Ну ты даёшь, Люся! Как у тебя получилось?

— А я ей доходчиво, русским языком, всё объяснила. Даже песенку спела, — усмехнулась я. — Как-никак педагог, хоть и начальных классов.

— Тогда с боевым крещением! — поддержал Витя моё шутливое настроение и отправился выпроваживать Королеву на улицу.

— А ты говорил: не сможет, не сможет... — смеясь, попеняла Виктору Маша. — Зря только меня от дел оторвал.

Последующие несколько дней, когда Виктор уехал на лесоучасток, мы остались вдвоём с Королевой, и каждый день, утром и вечером, дойка, начинавшаяся с фехтования, продолжалась под одну и ту же полюбившуюся песню и заканчивалась таким же замечательным результатом.

В конце недели, в пятницу, вечерним автобусом возвратилась из районной больницы Дарья Петровна, ранее сообщившая по телефону, что предположение относительно пневмонии не подтвердилось и её должны скоро отпустить домой. Правда, сегодня она почему-то не звонила насчёт своего приезда — наверное, решила сделать мне приятный подарок.

Я вышла на улицу, чтобы встретить корову, возвращающуюся вместе с деревенским стадом, как раз в тот момент, когда рейсовый автобус отошёл от остановки, а Дарья Петровна, держа в руках две сумки, шла в сторону дома.

Наша Королева, отделившая от большого стада, уже было направилась к открытым воротам ограды и навстречу ко мне, своей повелительнице, но в этот момент увидела Дарью Петровну, идущую с остановки. Резко изменив направление движения, Королева обошла меня по большей дуге и чуть ли не бегом, что так не присуще нашей аристократке, с мычанием припустила навстречу любимой хозяйке. Даже мне послышалось в этом жалобном мычании необыкновенно плаксивое и пронзительное: «На кого же ты меня оставила?!» Пронзительное до такой степени, что у меня у самой навернулись слёзы.

Дарья Петровна отставила в сторону сумки, стала гладить по морде корову и чуть ли не целоваться с ней.

Картина встречи получилась очень трогательной и необыкновенной: ни Дарья Петровна, ни Королева ничего вокруг не замечали.

Наблюдая со стороны за происходящим, я решила дождаться, пока эта сладкая парочка вновь обретёт зрение, чтобы моё появление не осталось незамеченным.

Выдержав приличную паузу до той поры, когда Дарья Петровна стала озираться по сторонам и бросила свой взгляд на меня, решив, что теперь и меня увидит, я направилась в их сторону.

— Здравствуй, Люсенька! Как вы тут без меня? — опередила с приветствием Дарья Петровна и заключила меня в свои объятия.

Королева ревностным взглядом посмотрела на меня влажными глазами, в которых сейчас просматривалось снисхождение: «Да ладно, пусть обнимет».

— Ничего, мама, справляемся, песни с Королевой поём. Вы-то как?

— Слава Богу, обошлось, пневмония не подтвердилась. Ну, пошлите домой, а то посреди улицы расположились.

Всю дорогу до дома они так и шли рядышком: Дарья Петровна и её любимица Королева. Дарья Петровна, продолжая наглаживать её по шее и по бокам, приговаривала при этом какие-то особенно ласковые слова, от которых Королева просто млела.

Вечером, возвратившись с полным подойником молока, Дарья Петровна, не скрывая своего удивления, спросила:

— А веник-то у Королевы что делает?

— Так мух от неё отгоняла. Как-никак королева! — быстро сообразила я.

— А я-то думаю: чего она на него так косится? — успокоилась Дарья Петровна, разрешив своё недоумение.

С возвращением Дарьи Петровны жизнь в нашем доме вошла в своё прежнее русло, с одной только разницей: Королева по-другому стала ко мне относиться — не было больше в её взгляде прежней надменности. Хотя она и не вспылала ко мне симпатией и любовью, но чувство

уважения в ней появилось, и по её выразительным глазам читалось явно: «Пигалица пигалицей, но дело своё знает».

Сколько раз потом поддерживала меня в работе скупая оценка Королевы, когда я себе говорила: да если ж я с Королевой справилась, то неужели с этими сорванцами не справлюсь?

Конечно, обучение в школе имеет свои правила и ограничения: здесь неуместны фехтование, нервные срывы, не приветствуются бои на шпагах и кулачные бои, — но и без таких приёмов хороший учитель всегда найдёт путь к победе, не подавляя, а ища в лице несмышлёныша союзника. Союзника в овладении знаниями. Тогда и победа будет общей — учителя и ученика.

Чем ближе становилось начало учебного года, тем чаще я вспоминала своего первого учителя Екатерину Ивановну, букет цветов из нашего палисадника, с которым я пришла вместе с мамой на школьную линейку, свой самый первый урок и наш дружный класс. Года два как Екатерина Ивановна вышла на давно заслуженный отдых и уже не преподаёт в школе, а у меня только приближался первый рабочий учительский день, и мне очень хотелось, переняв от неё эстафету, продолжить сеять «разумное, доброе, вечное».

Круто изменившиеся времена сейчас предъявляют к работе учителя совсем другие требования, заставляя оказывать образовательную услугу, наряду с услугами парикмахерских и прачечных. Конечно, красивые волосы и чистое бельё — вещи немаловажные, с этим глупо спорить, но мне ближе к душе сравнение учителя с некрасовским сеятелем — наверное, потому, что добросовестная и ответственная работа сеятеля всегда позволяет надеяться на добрые всходы, а мне так хочется, чтобы надежда эта никогда не угасала, чтобы поле не зарастало сорняками и всходы были сильными и непременно добрыми.